

**ГАНС
ФАЛЛАДА**

**МАЛЕНЬКИЙ
ЧЕЛОВЕК, ЧТО
ЖЕ ДАЛЬШЕ?**

МОСКВА

МАЯКИ ЭПОХИ

ВЕЛИКИЕ КНИГИ

Great Falls

**ГАНС
ФАЛЛАДА**

**МАЛЕНЬКИЙ
ЧЕЛОВЕК, ЧТО
ЖЕ ДАЛЬШЕ?**

МОСКВА

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ф19

Hans Fallada
Kleiner Mann — was nun?

Перевод с немецкого *Анжелики Смусевой*

Литературные редакторы *Влад Чарный* и *Варя Сергеева*

Художественное оформление серии *Алексея Гаретова*

Фотография на обложке:
© ullstein bild Dtl. / Gettyimages.ru

Фаллада, Ганс.

Ф19 Маленький человек, что же дальше? / Ганс Фаллада ; [перевод с немецкого А. Смусевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-211301-7

Ганс Фаллада — один из самых пронзительных немецких писателей XX века, мастер социального реализма. Его творчество рождалось на фоне катастрофической истории Германии между двумя мировыми войнами: безработица, инфляция, страх и утрата человеческого достоинства стали не декорацией, а сердцевиной его прозы. Фаллада писал о простых людях, которых эпоха ломает, но не всегда побеждает. Его произведения наполнены сочувствием, наблюдательностью и тонким психологизмом.

«Маленький человек, что же дальше?» — один из самых известных романов Фаллады, правдивая и тревожная хроника жизни молодой немецкой пары в преддверии прихода нацизма. Иоганнес Пиннеберг и его жена Ягненок — «маленькие люди», пытающиеся сохранить любовь и достоинство в мире, который все стремительнее теряет человеческий облик. Потеря работы, унижение, страх перед будущим — все это описано с жесткой точностью, но без уныния: в романе живет светлая, упрямая вера в простое человеческое счастье.

Это книга о тревожном времени и о тех, кто в нем жил. И, как всякая подлинная литература, она остается удивительно актуальной.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Смусева А., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211301-7

Пролог

БЕЗЗАБОТНЫЕ

Пиннеберг узнает нечто новое о Ягненке и принимает серьезное решение.

Сейчас пять минут пятого. Пиннеберг только что это отметил. Он — молодой красивый светловолосый мужчина — стоит перед домом № 24 на улице Ротенбаум и ждет.

Уже пять минут пятого, а с Ягненком они договорились встретиться без пятнадцати четыре. Пиннеберг вновь смотрит на часы, затем переводит взгляд на табличку рядом с домом № 24 на улице Ротенбаум. Читает:

ДОКТОР СЕЗАМ

ГИНЕКОЛОГ

ЧАСЫ ПРИЕМА: с 9 до 12; с 4 до 6

— Ну вот! Пять минут пятого. Конечно, если я закурю еще одну сигарету, Ягненочек тут же появится. Пожалуй, не буду этого делать. Сигареты и так обошлись слишком дорого сегодня.

Он отвел взгляд от таблички. На улице Ротенбаум только один ряд домов, там, за проезжей частью, за зелеными участками природы и за той набережной, где река Штрела

становится шире, а после впадает в Балтийское море. Дует свежий ветер, шумят деревья, кусты склоняют свои ветви.

«Так жить нужно уметь, — думает Пиннеберг. — Конечно, у этого Сезама семь кабинетов. Наверное, он зарабатывает огромные деньги. Интересно, сколько он платит за аренду... двести марок? Триста? Ах, даже не представляю. Десять минут пятого».

Пиннеберг лезет в карман, достает сигарету из портсигара и закуривает.

Из-за угла появляется Ягненочек, в белой плиссированной юбке и шелковой блузке, без шляпки её светлые волосы развевались.

— Добрый день, мальчик мой. Понимаю, уже не такой добрый. Ты сердисься?

— Ни капли. Только теперь мы будем ждать бесконечно долго. Тридцать человек зашло, пока я ждал.

— Ну, они ведь не все к доктору. И тем более мы по записи.

— Видишь, как хорошо, что мы записались.

— Да, ты был как всегда прав, мальчик мой! — Она останавливается в лестничном пролете, обхватывает руками его лицо и страстно целует — Я так рада, что мы снова вместе, мальчик мой! Вдумайся, почти две недели!

— Да, Ягненочек, — ответил он. — Я больше не буду ворчать.

Дверь распахнулась, и в темном коридоре мелькнуло белое привидение, гаркнувшее:

— Талончик!

— Дайте хотя бы зайти, — говорит Пиннеберг и подталкивает Ягненка вперед. — Кстати, у нас частный прием. Мы записаны. Моя фамилия Пиннеберг.

На слове «частный» призрак поднимает руку и включает свет в коридоре.

— Доктор подойдет через минуту. Проходите.

Они проходят вдоль коридора к приоткрытой двери. Это оказывается зал ожидания, где уже сидят те тридцать

человек, которых видел Пиннеберг возле входа в гинекологию. На них устремились вопросительные взгляды, после чего раздался гул голосов:

- Да что же это такое!
- Мы уже давно ждем!
- За что мы платим страховые взносы?!
- Подумать только, какие господа!

Вслед зашедшая медсестра постаралась унять гул.

— Спокойно, спокойно! Доктор примет всех! Это не то, что вы подумали. Это зять доктора с женой. Правда?

Пиннеберг польщенно улыбнулся, а Ягненок тут же направилась к дальней двери. Воцарилась тишина.

— Быстрее, — шепчет сестра и подталкивает Пиннеберга в спину. — Не обращайтесь внимания, эти бесплатные пациенты такие грубые... Больничная касса платит за них сущие гроши, а они воображают из себя не бог весть что.

Дверь за ней захлопнулась, Мальчик и Ягненок остались одни в окружении красного бархата.

— Это наверняка его личная приемная, — говорит Пиннеберг. — Как тебе это нравится? Думаю, это жутко старомодно.

— Мне ужасно неприятно, — отвечает Ягненок. — В другие дни мы тоже «бесплатные пациенты». Только представь, что они с доктором говорят у нас за спиной...

— Почему ты так расстроилась? — спросил он. — Отчасти это правда. С нами, маленькими людьми, часто обращаются подобным образом.

— А я расстраиваюсь...

Дверь приоткрылась, оттуда вынырнула другая медсестра.

— Мистер и миссис Пиннеберг? Доктор просит вас немного подождать. Могу я пока опросить вас?

— Конечно, — кивнул Пиннеберг.

— Возраст?

— Двадцать три. Имя: Иоганнес. — Следом: — Бухгалтер. — Более мягко: — Здоров. Обычные детские заболева-

ния, ничего серьезного. Насколько известно, мы оба в порядке. — Затем, запинаясь: — Да, мать жива. Отца больше нет. Нет, я не могу сказать, отчего он умер.

Ягненок:

— Двадцать два. Эмма. — Теперь она колебалась: — В девичестве Мюршель. Заболеваний нет. Родители живы, здоровы.

— Еще пару минут, и доктор к вам подойдет.

— Для чего это все нужно? — ворчит он, когда дверь за сестрой закрылась. — Мы же только...

— Не особо ты хотел ей говорить, что ты бухгалтер!

— А сама-то — в девичестве Мюршель! — Он засмеялся. — Эмма Пиннеберг по прозвищу Ягненок, в девичестве Мюршель. Эмма Пинн...

— Замолчи! О боже, мальчик мой, мне бы очень хотелось сходить в туалет еще раз. Ты не знаешь, где это здесь?

— С тобой вечно одна и та же история! Ты же могла сходить раньше...

— Уже, мальчик мой. Уже. Еще на центральной площади, целую марку за это отдала. Но когда я волнуюсь...

— Ягненок, возьми себя в руки на пару минут. Мы ведь только пришли...

— Мальчик мой, но мне нужно...

— Прошу вас. — Из-за спины послышался голос.

В дверях стоял доктор Сезам, тот самый знаменитый Сезам, об отзывчивости и добром сердце которого шептались половина города и четверть провинции. Во всяком случае, он написал популярную брошюру о сексуальных проблемах, поэтому Пиннеберг и выбрал его, доверившись его опыту.

Итак, доктор Сезам стоит в дверях и говорит:

— Прошу вас.

Сезам подходит к столу и ищет на нем письмо.

— Вы написали, господин Пиннеберг, что пока не можете позволить себе заводить детей, так как испытываете финансовые трудности.

— Да — отвечает Пиннеберг, ужасно смутившись.

— Проходите, раздевайтесь, — обратился он уже к Ягненку, а затем продолжил с Иоганнесом: — Вам необходимо безопасное и верное средство. Да, думаю, это вполне осуществимо... — Врач скептически улыбнулся, сверкнув оправой золотых очков.:

— Я читал в вашей книге... — прервал его Пиннеберг, — про пессуарий...

— Пессарий, — поправляет доктор. — Да, но не для любой женщины он подойдет. И потом, это не всегда так просто. Справится ли ваша жена...

Он посмотрел на нее свысока. Она уже сняла блузку и стягивала юбку со своих стройных ног — она такая высокая.

— Пройдемте к креслу, — говорит доктор. — Блузку снимать не нужно было, юная леди.

Ягненок совсем покраснела.

— Можете проходить и ложиться. Господин Пиннеберг, подождите здесь, буквально пару минут.

Они вдвоем уходят в соседнюю комнату. Пиннеберг смотрит им вслед. Доктор Сезам едва достает «юной леди» до плеча.

Иоганнес вновь думает, что она выглядит восхитительно — Ягненок лучшая женщина в мире, единственная для него на всем белом свете. Он работает в Духерове, а она здесь, в Плаце, и они видятся только два раза в месяц, поэтому его восторг не утихает, а аппетит разгорается с каждым разом все сильнее и сильнее...

Из-за двери он слышит вопросы доктора, заданные вполголоса, и дребезжание инструментов — звуки такие же, как и у стоматологического оборудования, отчего Пиннеберг становится не по себе.

Звуки становятся громче, а затем добавились и крики. Такого голоса Ягненка он еще не слышал. Она кричит очень надрывно.

— Нет, нет, нет! — И еще раз: — Нет! — А потом очень тихо еле слышное: — О боже!

Пиннеберг делает три шага к двери.

Что там может быть? Люди часто говорят, что такие врачи — ужасные распутники... Однако вновь слышен голос доктора и снова гремят инструменты.

А потом все утихло.

Сейчас самая середина лета, примерно середина июля, ярко светит солнце. Небо темно-синее, в окно стучат ветки, их колышет морской ветер. Пиннебергу вдруг вспомнилась старая песенка из его детства:

Дует, дует ветер,
Не сноси ты шляпки детям,
Дует, дует ветер,
Будь же ласков к моим детям.

В зале ожидания кто-то перешептывается. Бесплатные пациенты, их время тянется... Мне бы ваши заботы, думает Пиннеберг. Мне бы ваши заботы...

Наконец доктор с Ягненком возвращаются. Глаза у нее большие и испуганные, она очень бледная, но все же находит в себе силы робко улыбнуться ему, и кривая улыбка расплзается по ее лицу — Пиннеберг смотрит на нее с тревогой. Доктор стоит в углу, моет руки и косо поглядывает на молодых людей. Затем поспешно говорит:

— Немного поздно, господин Пиннеберг. Слишком поздно. Я думаю, уже начало второго месяца...

Пиннеберг замирает — слова доктора были похожи на пощечину. Он торопливо выговаривает:

— Доктор, это же невозможно! Мы же заботились об этом! Это совершенно невозможно! Скажи ему, Ягненочек...

— Мальчик мой! — вскрикивает она. — Мальчик...

— Это так, — отвечает врач. — Ошибки быть не может. И поверьте мне, господин Пиннеберг, ребенок хорош для любого брака.

— Доктор. — Голос Иоганнеса дрожит. — Доктор, я зарабатываю сто восемьдесят марок в месяц! Я прошу вас, господин доктор!

Сезам устало вздохнул. То, что он сейчас слышал, было не в новинку, подобные речи произносились в этом кабинете по тридцать раз на дню.

— Нет, — обрубает он. — Нет. Во-первых, даже не просите меня об этом. Ошибка исключена. Они оба здоровы. И ваш заработок совсем не плох. Совсем не плох.

Лихорадочный вскрик Пиннеберга разносится по кабинету.

— Господин доктор!

Ягненок начинает гладить его по волосам, чтобы не-много привести в чувство.

— Перестань, мальчик мой. Все будет хорошо...

— Но это совершенно невозможно... — Последние слова вырываются у него из груди, и он замолкает.

Входит сестра.

— Доктор, вас к телефону.

— Прошу вас, — говорит доктор, — успокойтесь, вы все еще взволнованы. Как только ребенок появится на свет, приходите снова ко мне. Тогда мы сможем поговорить о мерах предохранения. Только не слишком-то полагайтесь на период кормления. Так что... мужайтесь, юная леди.

Сезам жмет руку Ягненку и пытается поспешно удалиться.

— Я... Я бы хотел... — Голос Пиннеберга дрожит, он хватается за свой бумажник.

— Ах да... — Сезам разворачивается в дверях и оценивающе смотрит на них обоих. — За прием пятнадцать марок.

— Пятнадцать... — тихо повторяет Иоганнес и тянется к бумажнику, но доктор уже ушел. Он неловко достает купюру в двадцать марок, смотрит, как сестра выписывает квитанцию и берет ее.

Он напряженно хмурится:

— А мне удастся возместить эти пятнадцать марок в больничной кассе? Да ведь?

Сестра озадаченно смотрит на него, затем на Ягненка.

— Беременность, да? — И дальше, не дожидаясь ответа: — Нет. Это не тот диагноз, за который можно взыскать плату из больничной кассы.

— Пойдем, Ягненок — говорит он.

Они медленно спускаются по лестнице. Уже у двери Ягненок останавливается и сжимает его ладонь.

— Не грусти так... Пожалуйста, не нужно. Все будет хорошо.

— Да, да, — бормочет он, глубоко о чем-то задумавшись.

Они шли вдоль по улице Ротенбаум, затем повернули на Майнц. Здесь высокие дома, много людей, машины сбиваются в пробки. Уже продаются вечерние газеты, но никто не обращает на них внимания.

— Он сказал, что я неплохо зарабатываю, — Пиннеберг первый прервал молчание, — и берет с меня пятнадцать марок. Из ста восьмидесяти. Разбойник!

— Я справлюсь, вот увидишь, — пожимает плечами Ягненок.

— Ох, милая моя, — восклицает он.

С Майнц они вышли на Крюмпервег, и вокруг стало очень тихо.

— Теперь многое стало понятно, — говорит Ягненок.

— Что тебе понятно? — спросил Пиннеберг.

— Ну, меня иногда подташнивало по утрам... и вообще мне было не очень хорошо в последнее время...

— И ты не обратила внимания?

— Я думала, что вот-вот начнутся... Не сразу подумала, что именно в этом может быть дело.

— Может быть, он ошибся?

— Нет. Я так не думаю. Это правда.

— Ну, может быть, он все-таки окажется неправ...

— Нет, я в это не верю...

— Пожалуйста, Ягненок, послушай же хоть раз, что я говорю! Как это вообще возможно?!

— А почему ты думаешь, что это невозможно?

— Может быть, завтра все-таки начнутся? Тогда я напишу на него такую жалобу...

Погруженный в свои мысли, он замолкает, уже подумывая, что именно напишет в жалобе. За Крюмпервегом следует улица Хеббель, они идут этим прекрасным летним днем вдоль красивых аллей, где повсюду стоят высокие вязы.

— А еще я потребую вернуть свои пятнадцать марок, — говорит он внезапно.

Ягненок не отвечает. Она идет осторожно, наступая на всю подошву ботинка, внимательно смотрит, куда наступает, — все теперь по-другому.

— А куда мы вообще идем? — внезапно спрашивает он.

— Я должна вернуться домой, — отвечает Ягненок. — Я ничего не говорила маме, чтобы не беспокоить ее.

— Ох, еще и это...

— Не ругайся, мальчик мой, — просит она. — Я постараюсь еще раз выйти в половине девятого. На каком поезде ты хочешь поехать?

— На десятичасовом.

— Тогда я провожу тебя на поезд.

— И ничего больше, — выдыхает он. — На этот раз ничего. Такова жизнь.

Дальше Лютъен — настоящая рабочая улица, тут всегда полно детей, и здесь они не смогут как следует попрощаться.

— Не принимай это так близко к сердцу, мальчик мой, — говорит она, сжимая его руку сильнее. — Я справлюсь.

— Да, да, — пытается он выдавить из себя улыбку. — Ты — козырной туз, Ягненок, любую карту покроешь.

— В половине девятого я буду внизу. Обещаю.

— И даже не поцелуешь?

— Ох, ты же знаешь, это не так просто! О нас могут шептаться прямо сейчас, а ведь потом пойдут слухи...

Она пристально смотрит на него.

— Хорошо, Ягненок, — говорит он. — Ты тоже не принимай это близко к сердцу. Что-нибудь придумаем!

— Конечно, — говорит она. — Я не теряю мужества. А пока — пока!

Она быстро взбегает по темной лестнице, ее чемоданчик бьется о перила: хлоп-хлоп-хлоп-хлоп.

Пиннеберг смотрит вслед ее длинным бледным ногам. Уже сотни тысяч раз Ягненок ускользала от него по этой проклятой лестнице.

— Ягненок! — ревет он. — Ягненок!

— Да? — Она глядит на него сверху вниз через перила.

— погоди! — кричит он, несясь вверх по лестнице.

Он стоит перед ней, задыхаясь, хватая ее за плечи.

— Ягненок! — Он давится словами от волнения и одышки. — Эмма Мюршель! Как насчет того, чтобы мы поженились?

**Мама Мюршель — Папа
Мюршель — Карл Мюршель:
Пиннеберг оказывается между
молотом и наковальней.**

Ягненок Мюршель ничего не ответил. Она отошла от Пиннеберга и осторожно присела на ступеньку лестницы — ноги у нее внезапно подкосились. Теперь она сидела, но все равно смотрела на него свысока.

— О боже! — взмолилась она. — Мальчик мой, если бы мы поженились!

Ее глаза внезапно стали совсем светлыми. Они были темно-синими с зеленоватым оттенком, но сейчас они переливались ярким сиянием.

«Словно все рождественские елки в мире горят у нее внутри», — подумал Пиннеберг и тут же смутился от удивления.

— Все в порядке, Ягненок, — сказал он. — Давай поженимся как можно скорее, а?